

UNIVERZITA KARLOVA V PRAZE

HUSITSKÁ TEOLOGICKÁ FAKULTA

PRAVOSLAVNÁ TEOLOGIE

Pravoslavné mnišství v Rusku v XIX století

Православное монашество на Руси в XIX веке

Bakalářská práce

Vedoucí práce:

PhDr. Marina Luptáková, Th.D.

Autor práce:

Vitalij Pišl

Praha 2019

Аннотация

Автор рассматривает в работе положение дел в православном монашестве на Руси XIX века. В последние годы историки все чаще обращаются к истории русской православной церкви в целом и к отдельным ее аспектам в частности. Постепенно приходит осознание размеров влияния православия на русскую историю и культуру не только в далеком средневековье, но и в не столь удаленном XIX веке. Принято считать, что в XVIII в. произошла не только секуляризация церковных земель, но, что более важно, секуляризация общества, секуляризация культуры, еще более усилившаяся в XIX веке. Но, несомненно также и то, что даже менявшиеся внешне общество и культура сохраняли глубинные пласты, основанные именно на православии. Даже сегодня, когда подавляющее большинство россиян придерживается атеистического мировоззрения, они, желая того или нет, живут по христианским ценностям, признавая добродетелями милосердие, скромность, уважительное отношение ко всем окружающим, честность и порицая жадность, завистливость, тщеславие, лицемерие.

Целью бакалаврской работы является анализ феномена православного монашества в контексте его духовного и социокультурного служения в XIX веке.

Методы теоретического познания: методы анализа и синтеза рассмотрения православного монашества как уникального многоаспектного историко-культурного явления.

Ключевые слова: монашество, аскетическая культура, монастыри, иерархи, русское иночество, женское монашество, обитель, старчество.

Содержание

Введение.....	5
1 Развитие русского православного монашества в XIX веке	10
1.1 Предыстория русского монашества как явления аскетической культуры.....	10
1.2 Монастыри и монашество в России XIX века. Духовная, государственная и социокультурная деятельность иерархов русского иночества.....	14
1.3 Образцы аскетического подвижничества XIX века. Историко-культурное значение старчества	21
2 Русское женское православное монашество: культурологические особенности, история и традиции	29
2.1 Ренессанс женского иночества в XIX веке: духовное руководство старцев	29
2.2 Благотворительная и духовно-просветительская деятельность женских обителей и монахинь в XIX веке.....	34
Заключение	43
Список использованной литературы.....	45

Введение

Особым проявлением и высшим уровнем христианства является монашество, в лучших образцах своего служения и культуры святости показавшее, «к какой высоте богоподобия призван и способен человек», и как он может достигнуть совершенной духовной красоты.

Движимое любовью к духовной красоте, православное монашество воплотило высокие подвиги аскетической практики в образцах культуры и искусства, составивших ценнейший пласт национального российского духовного наследия, вошедшего в сокровищницу мировой культуры и оказавшего заметное влияние на все сферы бытия.

Православное монашество, как особое проявление и высший идеал христианства, осмысленный и свободный подвиг личности в борьбе за достижение духовного совершенства¹, в работе рассматривается в качестве уникального историко-культурного феномена, который на всех этапах своего развития с X до начала XXI века был и остается ценностным ориентиром для значительной части народа России не только в духовно-нравственном отношении, но и в широком спектре творческого личностного служения: в сфере социального устройства общества, просвещения, возделывания и обустройства новых земель, миссионерской, административно-хозяйственной деятельности, благотворительности, науки, литературы, религиозной философии, иконописи, музыкального искусства, архитектуры, в сфере духовного наставничества и воспитания личности.

Монашество явилось тогда, когда христианство, как будто бы – и только внешне - победило мир. И тем не менее, монахи не придумали никакого нового, особого христианства : внутренним содержанием монашества является «самая обыкновенная христианская жизнь», та жизнь, к которой призваны и которую должны вести все христиане, «но которая не имеет ничего общего с жизнью мирской, и которая нередко навсегда остается непостижимым таинством для христиан, живущих по-мирски, - неважно, в миру или в монастыре»²

¹ Духовное совершенство, святость в христианстве определены прп. Симеоном Новым Богословом как подвиг христианина, направленный на стяжание Духа Святого, «ибо в этом и состоит духовный закон и благобытие» (Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. Слово второе. М., 1892. С. 30)

² В. М. Лурье Призвание Авраама. Идея монашества и ее воплощение в Египте. С.-Петербург, 2000. С. 4-5.

Воплощение христианского идеала, осуществление христианского образа жизни – всегда было сопряжено с преодолением сопротивления «непреображенного мира» призыву к его, мира, одухотворению и спасению. И вряд ли можно утверждать, что на протяжении всей истории христианства были какие-то особые «исторические условия», которые существенным образом способствовали бы народам, государствам и империям «жить по Христу и во Христе» - проявлять милосердие, любовь, смирение, самоотречение во имя другого, жертвенность, миротворчество, нестяжательство, долготерпение, снисхождение к человеческим несовершенствам... Христианская жизнь может разворачиваться только вопреки...

Может быть именно поэтому, существование и деятельность монастырей – этих не только пристанищ измученному миру, но и крепостей, форпостов битвы за «человечность» этого жестокого и яростного мира – представляется и, видимо, в определенной мере до сих пор является - свидетельством и примером «осуществления невозможного» - преобразованием жизни людей в условиях, казалось бы, самых неблагоприятных (какими, безусловно, всегда отличалась и преизбыточествовала Российская империя, эта «тюрьма народов», «жандарм Европы» и самое страшное – до середины 19 века! – удерживающая даже своих подданных- христиан в рабском, бесправном, унижающим человеческое достоинство состоянии).

В нашей работе мы и попытались рассказать о том, как невзирая на «плотную атмосферу» российской имперской государственности, в которой сгорало все живое, монастырям и подвизавшимся в них монахам и монахиням удавалось смягчать, исцелять, утешать, помогать людям и, в итоге, обществу.

Объект исследования: православное монашество в процессе историко-культурного развития XIX века.

Предмет исследования: многогранность творческого диапазона православного монашества, его взаимосвязь и взаимодействие с социумом в XIX веке и творческий личностный вклад деятелей русского иночества в отечественную культуру и церковно-общественные отношения.

Цель исследования: осуществить историко-культурологический анализ феномена православного монашества в контексте его духовного и социокультурного служения в XIX веке.

Задачи исследования:

- раскрыть сущность монашеского служения в осуществлении его социокультурной и духовной миссии;
- выявить тенденции, определяющие историко-культурное развитие монастырей и православного монашества в XIX веке;
- проанализировать содержание и значение духовной, государственной и социокультурной деятельности иерархов Русской Православной Церкви;
- изучить многогранность творческой деятельности и социокультурного служения русского православного монашества XIX века;
- раскрыть вклад старчества в духовное просвещение российского общества;
- осуществить анализ культурологических особенностей русского женского монашества и раскрыть содержание его социальной миссии в XIX веке;

Теоретико-методологической основой исследования послужили принципы синергетического подхода, получившие продуктивное развитие в трудах ведущих ученых — русских религиозных философов, богословов, историков и культурологов — в аспекте взаимосвязи Церкви и культуры, христианства и творчества. При осмыслении механизмов влияния православной традиции исихазма на светскую культуру и процессы творческой деятельности личности мы опирались на положения, высказанные Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, И.А. Ильиным, Л.П. Карсавиным, И.В. Киреевским, К.Н. Леонтьевым, И.О. Лосским, В.Н. Лосским, П.А. Флоренским, Г.П. Федотовым, прот. Г. Флоровским, С.Л. Франком.

Методы исследования обусловлены содержанием, поставленной целью, объектом, предметом исследования и адекватны комплексу сформулированных задач.

Выбранные в качестве методологии принципы историзма, системности, комплексности, объективности, определяющие специфику историко-культурологического метода, обусловили возможность рассмотрения православного монашества как уникального многоаспектного историко-культурного явления. В исследовании широко использован контент-анализ как метод количественно-качественного анализа документов, посвященных теме православного монашества, с целью выявления и измерения различных фактов и тенденций, отраженных в этих материалах. Важная особенность данного метода состоит в том, что он позволяет изучать документальные свидетельства в их социальном контексте.

Научная новизна исследования:

- раскрыта сущность православного монашества как главного носителя и созидателя отечественной аскетической культуры, смыслообразующего феномена целостного представления о христианской идее социокультурного и духовного служения личности в обществе, а также консолидирующего общественно-государственного феномена;

- определены тенденции, содержание деятельности и значение православного монашества как уникального историко-культурного явления, взаимосвязанного и взаимодействующего с социумом и самобытной отечественной культурой;

- исследован и обобщен творческий диапазон православного монашества, реализовавшийся в процессе историко-культурного развития в XIX веке в различных сферах общественной жизни, науки и искусства; определено значение монастырей как надежного индикатора состояния отечественной культуры;

- определено историко-культурное значение старчества как уникального феномена духовного наставничества и необходимого условия развития русского женского монашества;

- выявлена специфика и раскрыт вклад русского женского монашества в социальную сферу и особенно благотворительную деятельность, в которой выдающиеся представительницы иночества проявили себя в качестве эталона жертвенной христианской любви, подлинной красоты и культуры святости;

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что православное монашество определено как уникальное целостное многоаспектное историко-культурное явление, которое на всех этапах своего многовекового развития сохраняло неизблемость православно-аскетической традиции, воплощенной в духовном и социальном служении ее носителей — выдающихся творческих личностей из числа подвижников иноческого благочестия.

Религиозное просвещение и приобщение к наследию русской святости, сосредоточенной в монашеской традиции, обеспечивает трансляцию и интеграцию аскетической антропологии в отечественную культуру и может благотворно влиять на формирование нравственно-этических и эстетических ориентаций представителей разных слоев современного российского общества.

Практическая значимость. Выводы и результаты данной работы могут быть использованы в общих курсах по истории и теории культуры, философии, культурологии, при осуществлении частных культурологических исследований.

Материалы бакалаврской работы могут найти применение в высших и средних образовательных учреждениях, быть включены в учебно-воспитательный курс «Основы православной культуры», изучаться в рамках элективных курсов по культурологии, религиоведению, истории отечественной культуры, истории Русской Православной Церкви, христианской антропологии, религиозной философии, психологии, педагогике, а также для повышения уровня квалификации преподавателей гуманитарных дисциплин.

1 Развитие русского православного монашества в XIX

веке

1.1 Предыстория русского монашества как явления аскетической культуры

Монашество как историко-культурное явление в первые века христианства зрело и формировалось в лоне Церкви в виде поистине уникального феномена, который А.И. Сидоров обозначил как «древнехристианский аскетизм»³. Глубоким обоснованием такого определения служат высказывания П.С. Казанского о том, что иночество, родившееся из глубокого понимания евангельского учения о высшем совершенстве, удовлетворяло существеннейшим потребителям человеческого духа. Но поскольку общественная жизнь своими условиями привязывает человека, ищущего спасения, к мирским проблемам, то ревнители христианского совершенства удалялись в пустыни и там основывали новое христианское общество с новой аскетической культурой. Отсюда, как лучи животворного света, разливались по Римской империи высшие понятия о христианской нравственности. Подкрепляемые высоким примером, они не могли не оказать сильного благотворного воздействия на современный мир. Как во времена гонений подвиги мучеников и исповедников укрепляли и распространяли веру в Иисуса Христа, так во времена последующие, когда христианская вера становилась господствующей, подвиги отшельников-иноков служили к утверждению и углублению в сердцах людей христианского учения, ибо «монашество есть непрестанное, в течение целой жизни, исповедание имени Иисуса, и непрерывное мученичество веры и самоотвержения»⁴.

Обратимся к более обстоятельному определению категории «монашество» и сущности его миссии. Слова «монах», «монастырь», «монашество» стали употребляться в первые века христианства и происходят от греческого слова *μονος* — «один», «отдельный», «уединенный». Суть этих понятий сформулирована святителем Игнатием Брянчаниновым: «Монах значит живущий уединенно или в одиночестве; монастырь —

³ Сидоров А.И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М., 1998. С. 26-114.

⁴ Казанский П.С. Письмо о монашестве // Прибавления к изданию творений святых Отцов в русском переводе. М., 1850. 4. 9. С. 242-243.

уединенное отдельное жилище; монашество — уединенное жительство»⁵. По словам святителя Игнатия, монашество — это особое проявление христианства, оно основано на христианстве, зиждется и держится на нем. Независимо от исторического времени идеалы Христовой веры и ценности монашества остаются неизменными. Монашество вдохновляется евангельскими идеалами, главные из которых — любовь к Богу и любовь к ближнему: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих во исполнение воли пославшего Его Отца» (Мф. 20, 28; Мк. 10, 45).

В соответствии с этой идеей монахи жительством своим стремятся уподобиться жительству на земле Богочеловека: по этой причине святые иноки именуются преподобными. Как пишет в своей книге «Богословие иконы Православной Церкви» Л. А. Успенский, «слово это созданное в эпоху св. Кирилла и Мефодия... указывает на обретение человеком подобия Божия. Оно не имеет никакого соответствующего ему слова в других языках...»⁶

Унаследовав от Византии представления о монашестве как ангельском образе и о святости как полном осуществлении монашеского призвания, Православная Русь восприняла миссию иноческого служения как явление, которое образует «великое ангельское подобие», «великий ангельский образ», — именно так определил сущность монашества Московский митрополит Фотий в грамоте 1418 года⁷.

Святая, высокая жизнь иноков с самого начала монашества привлекала внимание благочестивых христиан. В иноческой жизни виделся живой пример того совершенства христианской жизни, которое открывается в Евангелии. Монашество, как неземной мир среди мира земного, изумляет величию духа, показывая, какая сила заключена в душе и теле человека, когда весь он проникается стремлением к духовному идеалу. Возможно поэтому историк V в. Созомен называет монашество самым полезным делом, нисшедшим от Бога к людям⁸. Указывая на то, что является источником монашества, преподобный Исаак Сирий пишет, что в основании иноческого служения лежит совершенная любовь к Богу, которая «есть то же, что

⁵ Творения иже во святых Отца нашего святителя Игнатия, епископа Ставропольского. Аскетические опыты. Т. 1. М.: Сретенский монастырь, 1996. С. 458.

⁶ Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. М., 1994. С. 158.

⁷ РФА. М., 1988. Вып. III. С. 491-493

⁸ Казанский П.С. История православного монашества на Востоке. М.: Паломник, 2000. Ч. 1. С. 54-56.

бьющий из земли источник: потоки ея никогда не прерываются, ибо Он Сам есть источник сей любви и неоскудеваемая пища ея».

Этот неоскудеваемый источник любви, с тех пор, как жертвенная любовь Спасителя преобразила апостолов, рождается в душах тех подвижников, которые сами избрали праведную жизнь и стремятся жить по Евангелию.

Духовное творчество, понимаемое в свете идей православной аскетической антропологии как постоянная внутренняя работа над собой, борьба человека со своими страстями, покаяние и строгая молитвенная жизнь, составляет содержание монашеской жизни и сущность иночества, которую прп. Иоанн Лествичник выразил в своих наставлениях, определяя и цель иноческого подвижничества: любовь Божия и будущее Царствие — это итог, конечная цель пути совершенства, то есть монашества⁹.

Необходимо подчеркнуть, что у социокультурной и духовной направленности монашеского служения нет противоречий, как это может следовать из буквального понимания «духовной» миссии в значении религиозной и сугубо молитвенной, и «социокультурной» — практической, материальной, реализованной в конкретных осязаемых формах и культурных актах поведения.

Подвиг безбрачия, девства, целомудрия — высочайший подвиг отречения от естества. В трудах Отцов Церкви говорится о том, что искупительный подвиг Богочеловека обновил естество: человеку возвращена способность к девству и безбрачной жизни. Об этом же говорит учитель современного монашества святитель Игнатий (Брянчанинов), называя подвиг безбрачия выше супружества¹⁰.

Однако для совершенствования в этом подвиге, необходимом в монашестве, недостаточно только воздерживаться от деторождения: дарование девства состоит в том, чтобы весь образ жизни выражал нерастленность и целомудренность¹¹. Современный церковный деятель, епископ Иларион (Алфеев), предлагая свою трактовку этого подвига, подчеркивает, что обет целомудрия не сводится только к безбрачию. «Целомудрие» — славянское слово, сущность которого заключается в том,

⁹ Лествица, возводящая на небо. Преподобного отца нашего Иоанна игумена Синайской Горы. М.: Правило веры, 1997. С. 29-30.

¹⁰ Творения иже во святых Отца нашего Святителя Игнатия, епископа Ставропольского. Аскетические опыты. Т. 1. М.: Сретенский монастырь, 1996. С. 475-477.

¹¹ Древние иноческие уставы при. Пахомия Великого, св. Василия Великого, прп. Иоанна Кассиана и прп. Венедикта. М., 1892. С. 264.

что человек должен «целостно мудрствовать», то есть во всех своих поступках и помыслах руководствоваться христианскими принципами¹². По своей сути монашество — не что иное, как евангельский образ жизни; именно поэтому и в византийскую эпоху, и на Руси монашескую святость воспринимали как духовно-нравственный образец праведного бытия. В этой связи и жизнь общества была в значительной степени ориентирована на аскетические монашеские правила. Таким образом, нет никакого сущностного противоречия не только между монашеством и браком, но и монашеством и жизнью в миру¹³. Монашеский обет послушания может быть исполнен по-разному: монах в монастыре находится в послушании у своего игумена, монах, служащий на приходе, — у своего епископа. Но каковы бы ни были внешние обстоятельства жизни монаха, он всегда должен помнить, что его жизнь уже не принадлежит ему, она отдана Богу, Церкви и людям. И монах только тогда оправдывает свое звание, когда его жизнь приносит плоды и по отношению к Богу, и по отношению к Церкви, и по отношению к людям. Монах приносит пользу в отношении Бога, если потоянно работает над собой и, духовно преуспевая, восходит «от силы в силу». Он приносит пользу Церкви, если совмещает свою монашескую жизнь со служением Церкви в любом сане. Монах приносит пользу людям, если либо передает им тот духовный опыт, который накопил в себе, либо накапливает в себе этот опыт, чтобы потом поделиться им с людьми, либо просто молится за людей¹⁴.

Старцы в своих поучениях постоянно подчеркивают, что ни одна добродетель (ни самый страх Божий, ни милостыня, ни вера, ни воздержание, ни другая какая-либо добродетель) не может быть достигнута без смиренномудрия¹⁵: «Прежде всего нужно нам смиренномудрие, чтобы быть готовыми на каждое слово, которое слышим, сказать: «Прости», ибо смиренномудрием сокрушаются все стрелы врага и противника»¹⁶.

Наставляя братию, прп. Антоний Великий называет два вида смирения. Первое состоит в том, чтобы всегда считать брата своего разумней и по всему превосходнее себя, или почитать себя ниже всех. Второе же — чтобы свои подвиги приписывать Богу, и это есть совершенное смирение святости, которое рождается от исполнения

¹² Игумен Иларион (Алфеев). Вы — свет мира. Клин: Христианская жизнь, 2001. С. 114.

¹³ Там же. С. 113.

¹⁴ Там же. С. 114-115.

¹⁵ Преподобного отца нашего Аввы Дорофея. Душеполезные поучения и послания. М.: Отчий дом, 2000. С. 55.

¹⁶ Добротолюбие в русском переводе, дополненное. Т. 2. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 43.

евангельских заповедей. Характерно, что святые, чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными. Так, Авраам, когда увидел Господа, назвал себя землею и прахом (Быт. 18, 27). Смирение состоит в сокрушении сердца и смирении духа, по словам псалмопевца царя Давида: «...Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50,-19).

Обет нестяжения также имеет огромную важность для монаха на пути к совершенству. Святитель Игнатий Брянчанинов пишет: «Тот, кто раздал имение нищим для того, чтобы подчинить себя лишениям, сопряженным с нищетой,... уничтожает всю надежду свою на мир, сосредоточивает ее в Боге. Сердце его с земли переселяется на Небо»¹⁷.

Очевидно, что социокультурная миссия монашества, его общественное служение непосредственно связано и логически проистекает из самой сути аскетического иноческого подвижничества. Монашество, таким образом, — это особый образ жизни, путь покаяния и особый подвиг борьбы с собственным грехом, наиболее полное выражение того хождения «узкими вратами», к которому призваны все христиане. Именно поэтому монашество — высший идеал христианства, который притягателен для всех, стремящихся к духовному совершенствованию¹⁸. Идеал всегда действительно влияет на души и умы тех, у кого есть внутренняя потребность и готовность его воспринять. В этой связи уместно говорить о высоком воспитательном значении духовной и социокультурной миссии монашества.

1.2 Монастыри и монашество в России XIX века. Духовная, государственная и социокультурная деятельность иерархов русского иночества

Общее состояние Русской Православной Церкви и монашества, в частности, в начале XIX века было ознаменовано значительными благотворными преобразованиями, предпринятыми в период своего недолгого царствования (1796-1801) императором Павлом I, ментальность которого, по словам А.В. Карташева, «...по

¹⁷ Творения иже во святых Отца нашего Святителя Игнатия, епископа Ставропольского. Аскетические опыты. Т. I. М.: Сретенский монастырь, 1996. С. 472-473.

¹⁸ Митрополит Иоанн (Снычев). Посох духовный. СПб, 2002. С. 212.

контрасту с вольтеррианской порой царствования его матери, слагалась благоприятно в сторону всяческого благоустройства Церкви».

Историк О.В. Кириченко обосновывает такую позицию императора Павла Петровича, исходя из важных позитивных качеств его противоречивой природы: «Этот благочестивый, умный, прекрасно образованный, глубоко искренне любящий Россию и народ. Правитель, призывался пред лицом Европы заявить о духовности России — ее культуре, основанной на Православии»¹⁹.

Подчеркивая перспективность такой политики, следует указать на поэтапность ее осуществления и планируемое завершение императором Николаем II, прославленным Церковью в Лике Святых²⁰.

Святейший Синод провел ряд благоприятных для Церкви законов, которые развивались и совершенствовались в течение XIX века. В 1797 и 1799 гг. по годовым государственным сметам штатные оклады казны на духовное ведомство были увеличены вдвое; в 1797 г. участки земли для архиерейских домов также удвоились, и, кроме того, были отведены архиереям и монастырям мельницы, рыбные ловли и другие угодья.

По ходатайству Синода император Павел освободил священнослужителей от телесных наказаний за уголовные преступления в гражданских судах до момента лишения сана (если таковое полагалось), так как наказание их, «чинимое в виду тех самых прихожан, кои получали от них спасительные тайны, располагает их к презрению священного сана»²¹. Впервые при Павле I (1799) были узаконены меры для обеспечения вдов и сирот духовенства. Значительно возросли ассигнования на духовные школы благодаря усилиям руководящих синодских иерархов Амвросия (Подобедова) и митрополита Платона (Левшина). За личные заслуги представителей духовенства Павел ввел небывалое новшество: раздачу для всего священства государственных орденов и лент, что вызвало неоднозначную реакцию у представителей Церкви. Так, когда митрополит Московский Платон получил столь необычную награду, то имел смелость просить монарха дать ему возможность «умереть архиереем, а не кавалером». Архиепископ Псковский Ириной (

¹⁹ Кириченко О.В. Дворянское благочестие. М.: Паломник, 2002. С. 387.

²⁰ Там же.

²¹ Карташев А.В. Указ. соч. С. 576.

Клементьевский) получил от императора Павла награждение даже аксельбантами. В этом украшении и написан с него портрет, хранящийся в портретной галерее Санкт-Петербургского Эрмитажа.

Таким образом, «Русская Церковь, прожившая это столетие под режимом архаической формы неограниченной монархии... несмотря на все лишения и трудности, взошла на высшую ступень своего развития во всех отношениях».

В XIX веке отношение русского правительства к монастырям и монашеству, в сравнении с XVIII столетием, было весьма благоприятным, и наконец-то, как отмечает доктор церковной истории протоиерей Владислав Цыпин, «в народном благочестии, в православии, в монашестве, власти научились видеть одну из самых твердых духовных опор государства», что выразалось» в конкретных действиях и поступках русских государей. Император Александр I любил посещать православные обители и беседовать с духовно опытными подвижниками и старцами. Известно, что некоторые представители монашества предсказали государю великую победу над Наполеоном. При нашествии французов митрополит Платон (Левшин) писал императору и предсказал торжество России; в 1812 году монах Александро-Невской Лавры Авель предсказал Александру I взятие Парижа. В 1816 году в Киеве царь исповедовался у иеросхимонаха Вассиана, в 1823 году он посетил иеромонаха Амфилохия в ростовском Спасо-Яковлевском монастыре; в 1825 году в Александро-Невской Лавре император беседовал со схимником Алексием, а также посещал Валаамский монастырь, где встречался с известным подвижником старцем Николаем. Весьма положительно относились к монастырям и монашеству Николай I и Александр III; наилучшим периодом для развития Русской Православной Церкви считается время правления императора Николая II²².

В XIX веке большое значение имела классность монастырей, которая была показателем знатности обители. Настоятели первоклассных и второклассных монастырей носили сан архимандрита, а третьеклассных — игумена. В некоторых монастырях настоятель имел звание строителя; настоятельницы женских монастырей имели сан игуменьи. Особое положение среди первоклассных монастырей занимали лавры. Киево-Печерский монастырь удостоился этого почетного наименования в конце

²² Протоиерей Владислав Цыпин. Указ. соч. С. 240,296.

XVI века; в XVIII веке статус лавр получили крупнейшие монастыри двух столичных епархий — Свято-Троицкий Сергиев под Москвой (1794) и Александро-Невский в Петербурге (1797). Настоятелями трех лавр традиционно считались митрополиты — киевский, московский и петербургский. Для текущего управления лаврами они назначали наместников, возводившихся в сан архимандрита. Так, к примеру, Троице-Сергеевой Лаврой долгое время, (при митрополитах Филарете и Иннокентии) управлял архимандрит Антоний²³. Значение монастырей как Центров духовной культуры и благотворительности в XIX веке подкреплялось улучшением их материального благосостояния.

Юридическое положение православных монастырей и монашествующих определялось «Сводом законов Российской империи», в соответствии с которым монастыри имели право на обладание отводимыми им от казны земельными наделами, могли сдавать их в аренду, но не могли продать; монастырям запрещалось также владеть населенными имениями. По указу 1805 года монастыри получили право приобретать ненаселенные участки земли в дар и по завещанию, но на покупку земли всякий раз необходимо было получать особое разрешение высочайшей власти. Подчеркивая наличие тесной социокультурной взаимосвязи русского православного монашества с представителями светского общества, укажем на то, что материальное положение монастырей улучшилось и благодаря тем пожертвованиям, которые поступали от благотворителей разных сословий, особенно от помещиков и купцов, которые дарили и завещали монастырям на помин не только деньги, но и иконы с золотыми и серебряными окладами, с драгоценными камнями; парчовые облачения, колокола. Купцы строили за свой счет монастырские церкви, корпуса келий²⁴. Знаменитый жертвователем, к примеру, была графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, дочь и единственная наследница известного фаворита Екатерины II графа Алексея Орлова. Анна Алексеевна отличалась особой религиозностью и всю жизнь, о чем говорили современники, старалась замолить грехи своего отца. Отказавшись от замужества, Орлова всю свою жизнь посвятила религии, благотворительности и особенно много вкладов сделала в Юрьев монастырь, благоговейно относясь к настоятелю этой обители, бывшему иеромонаху Александро-Невской Лавры Фотию.

²³ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Вербум-М, 2002. С. 13-14.

²⁴ Прот. Владислав Цыпин. Указ. соч. С. 241.

Пожертвования, притекавшие в Юрьев монастырь, состояли из великолепных изделий из золота и серебра; бриллиантов, яхонтов, жемчуга, изумрудов. Только на помин душ Орлова пожертвовала 250 тыс. рублей ассигнациями. По ее распоряжению в монастырь отправлялись целые обозы с продовольствием, которым настоятель обители архимандрит Фотий щедро делился с другими монастырями, испытывающими бедственное положение.

Графиня Орлова-Чесменская в 1848 году завещала 340 обителям более 1,5 миллиона рублей (около 1 миллиарда рублей по нынешнему курсу) — по 5 тысяч в каждый монастырь. Кроме этого, значительную часть монастырских доходов составляли добровольные приношения благочестивых граждан — крестьян, мещан, мастеровых²⁵. Имея щедрых и боголюбивых покровителей, монастыри расцвели, но испытывали серьезные затруднения, если жертвователей не находилось.

Возросшая социокультурная деятельность монастырей в XIX веке оказала значительное влияние на все сферы жизни русского народа, утвердился также высокий статус обителей в общегосударственном служении. Монастыри широко развернули масштабную строительную деятельность: возводились новые просторные храмы, кирпичные корпуса келий и хозяйственных помещений, гостиничные дома для богомольцев.

В особые, наиболее значимые моменты в судьбе Отечества, как было в истории России уже не раз, монашеское служение соединилось с героическим воинским подвигом защиты веры, народа, государства. Яркий пример этому — подвиг иноков Соловецкого монастыря, имеющего огромное общественное и стратегическое значение, в годы Крымской войны (1853— 1856). В июне 1854 года, при архимандрите Александре (будущем епископе Архангельском), обитель подверглась нападению английской эскадры и с честью выдержала удар неприятеля. Архиепископ Александр, организовавший в эти тяжелые дни оборону Соловецкого монастыря, вместе с особо отличившимися пушкарями, воинами-инвалидами и монахами были награждены орденами за проявленные хладнокровие, храбрость и отвагу. В память о героической обороне монастыря монахи собрали все неразорвавшиеся бомбы (их было 212), множество осколков и из них сложили три пирамиды, окружив их решетчатой оградой. А через двадцать лет, в 1874 году, Архангельское общество оказания помощи при

²⁵ Зырянов П.Н. указ. соч. С. 77-78, 87-89; Прот. Владислав Цыпин. Указ. соч. С. 241.

кораблекрушениях обратилось к настоятелю Соловецкой обители, архимандриту Феодосию, с просьбой об устройстве на острове Анзер силами монастыря спасательной станции «у опасных Троицких стамников», которая была открыта годом позже²⁶.

Особая роль в истории Соловецкого монастыря принадлежит архимандриту Мелетию, управление которого с 30 апреля 1879 года принесло обители много пользы. В частности, были проведены масштабные постройки на территории монастыря: сооружена колокольня при кладбищенской церкви во имя Онуфрия Великого, двухэтажный корпус братских келий Савватиевской пустыни; было устроено отопление Свято-Троицкого Зосимо-Савватиевского собора. В целях расширения общественных связей монастыря в 1881 году был построен в Финляндии фирмой-«Крейтон и Ко», пассажирский пароход «Соловецкий», а в 1887 году в Швеции был приобретен грузопассажирский пароход «Михаил Архангел».

Будучи высокообразованным творческим деятелем, архимандрит Мелетий большое внимание уделял просвещению братии и трудников. При нем была открыта в монастыре живописная школа, в которой обучались многие известные иконописцы (в том числе художник Александр Алексеевич Борисов, 1866—1934), основаны литографическая мастерская, биологическая, и метеорологическая станции. Трудami архимандрита Мелетия в 1831 году было издано «Историческое описание первоклассного Соловецкого монастыря», а в 1896 году вышло в свет составленное настоятелем «Историческое описание Голгофо-Распятского скита на Анзерском острове с приложением» жизнеописания священника Иова в схиеромонасах Иисуса, основателя Голгофо-Распятского скита». После двенадцатилетнего управления Соловецким монастырем архимандрит Мелетий по своему прошению был в 1891 году уволен на покой, и возвратился в Троице-Сергиеву Лавру, где скончался в Вифанском монастыре 3 апреля 1893 года на 77 году жизни²⁷.

Еще более высоким уровнем культуры хозяйствования отличался Валаамский монастырь. Особого размаха его деятельность достигла в 40-летнее правление игумена Дамаскина (Кононова) (1839-1881). При его строгом и мудром настоятельстве на Валааме осуществились грандиозные преобразования. На скудных землях Валаамских

²⁶ Сяопин В.В. На Соловецких островах. М., 1991. С. 189-190.

²⁷ История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. Товарищество северного мореходства. Фолиум, 2004. С. 176-178.

островов были разбиты фруктовый и ботанический сады, ягодный питомник. Огромные масштабы коровников, конюшен, монастырских амбаров удивляли посетителей. В монастыре действовали свечной завод, была своя фотография, портняжная, резная, иконописная и переплетная мастерские; был проведен водопровод; по Валаамскому острову были проложены прекрасные дороги; для сообщения между островами монастырь имел свой небольшой пароход. Очень продуманно и грамотно было устроено в обители лесное хозяйство: стволы шли только на строительные нужды, пни — на дрова, а корни вырывались, очищались и затем использовались для приготовления скипидара и смолы. При игумене Дамаскине (Кононове) Валаамский монастырь расширил свои владения, совершив в 1886 году купчую сделку на несколько близлежащих островов, которые в 1878 году с разрешения правительства перешли в собственность монастыря²⁸. При преемнике Дамаскина Ионафане (1816-1891), одаренном организаторе и строителе, были построены еще один кирпичный, смолевой и кожевенный заводы, а, главное, — величественный двухэтажный златоглавый собор.

В конце XIX века обозначилась и проявилась еще одна сторона православного монашеского служения — педагогическая, нравственно-воспитательная — по отношению к тем детям, душевная жизнь которых была надорвана, искажена и нуждалась в деятельном участии по ее исправлению. Так, 2 июня 1897 года, был принят закон об изменении в судопроизводстве по делам несовершеннолетних преступников и о мерах их наказания. В соответствии с этим законом малолетние преступники с 10 до 14 лет могли отбывать наказание в монастыре, соответствующем их вероисповеданию, при этом они «должны быть подчинены всем правилам монастырской жизни, поручаемы руководству опытных в духовной жизни старцев или стариц и назначаемы в клиросное послушание или на черные работы по ближайшему рассуждению монастырского начальства». Этими мерами правительство старалось повысить роль Церкви в воспитании подрастающего поколения и отчисляло денежные средства в монастыри на содержание воспитанников.

В XIX веке активно осуществлялась миссионерская, духовно-просветительская деятельность монастырей и монашества, среди которого одно из центральных мест занимает Макарий (Парвицкий, 1835-1926), митрополит Московский и Коломенский —

²⁸ Валаамский монастырь и его подвижники. Санкт-Петербург, 1903. Издано ижедением Валаамского монастыря. Типо-литография. И. Генералова. С. 329-330.

выдающийся миссионер, просветитель алтайского народа, «апостол Алтая» и «сибирский столп Православия», как его называли. Он трудился над устройением Чулышманского монастыря (1861-1864), работал в Казани над грамматикой алтайского языка и издал на нем ряд богослужебных и святоотеческих книг (1868-1869). За долгую плодотворную деятельность митрополиту Макарию святителем Тихоном был дарован почетный-пожизненный титул митрополита Алтайского (август 1920)²⁹.

Краткий обзор социокультурной деятельности монастырей и монашества в XIX веке позволяет сделать вывод о том, что примеры столь высокой культуры хозяйствования, промышленных достижений, развития церковного искусства, педагогической, воспитательной и духовно-просветительской деятельности монастырей и монашества свидетельствуют об их высоком трудолюбии и деятельном подвижничестве, вершиной которого всегда была и остается аскетическая, молитвенная жизнь иноков. Важно подчеркнуть то важное обстоятельство, что мощной опорой в этой деятельности была поддержка правительства и понимание властями той созидательной роли, которую всегда играли монастыри на Руси. Таким образом, главным событием иноческого подвижничества XIX века стало то, что монашество проходило путь подлинного духовного возрождения, и после ряда катастроф, выпавших на долю монастырей в XVIII веке, «они вновь восставали из разрухи как очаги духовной жизни, как живые свидетели неотмирности и святости Церкви»³⁰.

1.3 Образцы аскетического подвижничества XIX века. Историко-культурное значение старчества

Одним из центров религиозной жизни русского народа и православного аскетического подвижничества в XIX веке стала Саровская пустынь, особое значение которой в том, что здесь с ранней юности проводил молитвенную жизнь и завершил свой земной путь старец Серафим — выдающийся феномен христианского мира и монашеского служения. По словам протоиерея Димитрия Троицкого, угодник Божий и молитвенник Земли Русской преподобный Серафим, Саровский чудотворец,

²⁹ Митрополит Нестор (Анисимов). Моя Камчатка. Записки православного миссионера. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 255-256.

³⁰ Протоиерей Владислав Цыпин. Указ. соч. С. 245.

принадлежит к сонму подвижников XIX века, которые отличались неутолимой духовной жадой нравственного самосовершенства, стремлением к истинной свободе и очищению человека от греха. Старец Серафим по чрезвычайной силе подъема своего духа является наиболее ярким и самобытным выразителем этой эпохи, о чем свидетельствует вся его жизнь как восхождение «от силы в силу» на пути аскетического подвига.

Батюшка Серафим, в миру Прохор Исидорович Мошнин, родился 19 июля 1759 года в городе Курске, на Сергиевской улице, вблизи храма в память преподобного Сергия Радонежского. Родители Прохора, Исидор и Агафья, принадлежали к именитому и богатому русскому купечеству.

Знаменательно, что еще до рождения в семье Прохора, в 1751 году эта церковь сгорела во время пожара, и на пепелище была найдена чудом уцелевшая Казанская икона Божией Матери. Именно на этом месте было решено воздвигнуть собор во имя Казанской иконы Божией Матери и преподобного Сергия Радонежского. Известно, что над проектом работали ученики знаменитого-архитектора Растрелли, но подряд получил отец будущего преподобного Серафима, купец Исидор Мошнин³¹. После его ранней смерти начатое дело продолжила мать Прохора, а в доме, несмотря на трудности, царили высокая духовность, мир и любовь, которые стали прочной нравственной основой, определившей отношение преподобного Старца к людям. Впоследствии отец Серафим просил своих посетителей поминать в молитвах его благочестивых родителей, обещая за это милость Божию. После долгих лет, проведенных в подвигах молчальничества и затвора, в 1825 году отец Серафим начал свое социальное служение, культурно-нравственная ценность которого определялась прежде всего собственным внутренним, духовным преображением Старца.

Указывая на особую ответственность духовных наставников перед народом, митрополит Вениамин (Федченков) пишет о том, что лишь после достижения высокого личностного совершенства и бесстрастия святые подвижники выходили на служение людям; таким был и преподобный Серафим Саровский, которого после длительного аскетического подвига «Бог вывел на ангельское служение». За советом и молитвенной помощью к преподобному Старцу приходили представители разных сословий: бывали

³¹ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Вербум-М, 2002. С. 120.

у него члены царской фамилии, в частности, великий князь Михаил Павлович, брат императора Александра I; предпринимали дальние путешествия губернаторы, генералы, помещики, но более всего почитал своего «батюшку Серафима» тот простой крестьянский народ, который по праву назывался «Святой Русью». Духовная творческая сила и нравственное совершенство Старца явились ориентиром и образцом спасительного пути для значительной части русского общества, поскольку, как отмечает протоиерей Георгий Флоровский, «в этом образе так дивно смыкаются подвиг, радость, тягота молитвенной брани и райская уже светлость, предображение уже нездешнего света»³². Преподобный Серафим представлял собой образ старчества как центрального жизненного нерва истинного православного монашества. Роль старца в монастыре он сравнивал с «маткой в улье», которой подчиняется сам игумен, и миссией материнства, советуя наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Антонию (Медведеву) быть для своих монахов «не отцом, а матерью»³³. Такое же неоценимое значение старческого служения святого подвижника имело и его духовное наставничество мирян. На вопрос одного из посетителей, помещика Богданова, как управлять подчиненными, последовал ответ Старца: «Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напой, накорми, будь справедлив. Аще Бог прощает, и ты прощай».

Высочайшими образцами православного аскетического подвижничества XIX - начала XX века, несомненно являются Оптиные старцы, возглавляемые преподобным Амвросием. Оптина Пустынь — одна из великих святынь Русской земли, прославившаяся своими духоносными прозорливыми монахами. На протяжении XIX века эта обитель была одним из наиболее значительных духовных центров России, в который стремились православные паломники, жаждущие познания истины, подлинного смысла бытия и ищущие мудрого наставничества в духовном восхождении.

Благодаря усилиям святителя Филарета (Амфитеатрова), испытывавшего особую любовь к монашеству, при Оптиной Пустыни был устроен скит, для создания которого свт. Филарет привлек последователей преподобного Паисия Величковского, братьев Тимофея и Александра Путиловых, принявших монашеский постриг с именами Моисей и Антоний. Подлинным возрождением, расцветом и своей славой Оптина

³² Протоиерей Георгий Флоровский. Подвиг и радость // О цели христианской жизни. Из рукописных воспоминаний Н.А. Мотовилова. С приложением богословских толкований «Беседы». Составитель Стри-жев А.Н. М.: Паломник, 1999. С. 169-170.

³³ Протоиерей Димитрий Троицкий. Указ. соч. С. 22-24.

Пустынь обязана архимандриту Моисею (Путилову), который в 1822 году был назначен духовником, а в 1826 году — настоятелем монастыря, обеспечив значительный рост материального благосостояния обители и укрепив ее общественное значение. Неоценимая заслуга отца Моисея состоит в том, что при содействии старцев Льва и Макария, этих истинных столпов сокровенной монашеской жизни, он учредил в Оптиной Пустыни старчество, которое с этого времени сформировалось как уникальная коммуникативная практика духовного наставничества.

Характеризуя явление старчества; оказавшего столь значительное влияние на культуру и нравственность русского общества, необходимо подчеркнуть его уникальность, многообразие, а также то, что оно не имеет отношения к какому-то определенному церковному «сословию». Старцем является обладатель благодатного дара рассуждения, благодаря которому он «распознает волю Божию и поэтому способен руководить своими духовными воспитанниками. В русском церковном сознании старец - это подвижник - аскет, прошедший длительный духовный путь и благодаря многим подвигам и молитвенной жизни получивший дар прозорливости и способность к духовному руководству обращающимися к нему³⁴.

Знаменитый Оптинский скит стал сердцем Оптиной Пустыни, местом, где бился пульс ее жизни, откуда исходила благодатная сила старчества³⁵. Правомерно утверждать, что нигде традиции старчества не получили такого развития, как в Оптиной Пустыни. Общий портрет Оптиных старцев, в основном людей простого звания, может быть составлен благодаря высказыванию святителя Тихона Задонского, который относил к категории истинных мудрецов и философов тех «ученых людей», которые «учатся в молитве со смирением и усердием и просвещаются от Духа Святого и суть мудрейшие паче философов века сего...».

Самым ярким светилом в созвездии Оптиных старцев стал отец Амвросий (в миру Александр Михайлович Гренков, 1812-1891); сын причетника (пономаря) Михаила Федоровича и жены его Марфы Николаевны Гренковых. Но благословиению подвижника Илариона Александр тайно от всех ушел в Оптину и в апреле 1840 года был зачислен в ее братство. Пострижен в монашество он с именем, Амвросий в честь

³⁴ Архимандрит Софроний (Сахаров). Старец Силуан Афонский. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2002. С. 388.

³⁵ Горбачева Н.Б. Оптиные старцы. Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. С. 17.

святителя: Амвросия Медиоланского; 9 декабря 1845 года, он был рукоположен в иеромонаха. После смерти о. Льва его духовным наставником стал о. Макарий. По причине очень слабого здоровья преподобный Амвросий более тридцати лет прожил в скиту, отдавая все нравственные силы самоотверженному служению ближним³⁶. Целый день дверь его кельи была открыта, и сотни людей ежедневно шли к нему со своими нуждами ради того, чтобы получить мудрый совет, духовное утешение; решением насущных жизненных вопросов прощение грехов. К нему обращались представители разных сословий: крестьяне, купцы, аристократы, интеллигенты. К отцу Амвросию приезжали известные и знаменитые общественные деятели, писатели: Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь, В.С. Соловьев; К.Н. Леонтьев; Л.Н. Толстой, М. П. Погодин, Н.Н. Страхов и многие другие. Известный русский философ и писатель Константин Николаевич Леонтьев (1831-1891), выйдя в отставку, поселился в Оптиной, где прожил 15 лет, пользуясь наставлениями от старца Амвросия.

Федор Михайлович Достоевский писал в Оптиной свой роман «Братья Карамазовы», а собирательный образ старца Зосимы, созданный великим писателем, содержал в себе черты преподобного Амвросия Оптинского и, возможно, старца Зосимы Верховского. Находясь под глубоким впечатлением от Оптиной Пустыни и вдохновленный беседами со старцем Амвросием, Ф.М. Достоевский позже писал: «От монахов кротких и жаждущих уединенной молитвы выйдет, может быть, еще раз спасение земли Русской! Ибо воистину приготовлены в тишине «на день и час, на месяц и год». Великий писатель благодаря Оптинским старцам, в чьих образах и аскетических подвигах он видел неискаженным образ Христа, проникнулся истинной сущностью русского православного монашества, которое на протяжении всей культурно- исторической жизни народа сохраняло в нем и для него евангельские идеалы. В старце Амвросии жил и действовал «тот же самый дух, перед которым мы благоговейно склоняемся в лице Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского, Зосимы и Савватия Соловецких и который проявился в лице преподобного, Серафима Саровского»³⁷. Преподобный Амвросий Оптинский принимал

³⁶ Душеполезные поучения преподобного Амвросия Оптинского. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 2002. С. 12.

³⁷ Собрание писем преподобного старца иеромонаха Амвросия к монашествующим. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1995. С. 6-7.

всех с одинаковой любовью и благорасположением, привлекая к себе сердца людей тем, что, по единодушному признанию всех, кто его знал, он был проницательным и глубоким знатоком человеческой души, « мудрейшим и любвеобильнейшим наставником. Старец, безусловно, обладал богатными дарами: рассудительностью, евангельской любовью к ближним, прозорливостью, даром исцелений. Обладая ценнейшим даром духовного рассуждения, на вопрос: «Как жить?» прп. Амвросий давал такой замечательный ответ: «Мы должны жить на земле так, как колесо вертится: чуть одной точкой касается земли, а остальными стремится вверх; а мы как ляжем, так и встать не можем».

Несмотря на тяжелые болезни, наряду с общением, помощью множеству посетителей, составлением писем, прп. Амвросий продолжал активную книгоиздательскую деятельность, начатую отцом Макарием, и великое дело духовного просвещения народа получило плодотворное продолжение. Так, в 1861 году была издана первая книга: «Сказание о жизни и подвигах старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Макария» (составлена архимандритом Леонидом (Кавелиным)). В 1862 году вышло Собрание писем о. Макария; 4 тома к монахиням, 1 том к монахам и 1 том к мирским особам. В 1866 году выпущено новое издание Аввы Дорофея; в 1869 году — «Симеона Нового Богослова 12 слов», в переводе отца Климента и отца Анатолия; в 1870 году — «Жизнеописание игумена Антония», составленное о. Климентом; в 1874 году — «Петра Дамаскина» в переводе иеросхимонаха Ювеналия. В 1876 году издано «Жизнеописание старца Леонида» и «Описание Козельской Оптиной Пустыни» (составленное о. Леонидом Кавелиным); в 1882 году — «Жизнеописание Архимандрита Моисея»; в 1885 году — «Указание пути ко спасению (опыт аскетике); в 1887 году — «О монашестве» и многие другие. Кроме перечисленных произведений, были выпущены 20 брошюр разного содержания и новые издания вышедших ранее книг. Особое место в книгоиздательской деятельности уделялось жизнеописаниям и творениям Оптинских старцев и Святых Отцов. Изданные книги рассылались по библиотекам монастырей, академиям, семинариям, епархиальным архиереям, и раздавались богомольцам. Оценивая издательскую деятельность Оптиной Пустыни, святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Все русское монашество обязано особенною благодарностью Оптиной Пустыни за издание многих творений Святых Отцов...».

Оптинские старцы как истинные философы, педагоги и тонкие психологи всей своей жизнью создали пример того, что дело христианского усовершенствования, служение подлинной красоте и истине и есть дело не теории, а практики. Преподобный Амвросий говорил: «Без показания и лапти не сплетешь, а тем более без показания не устроишь дома души своей. Можно хорошо знать, заповеди Божии - о нищете духовной, о плаче, о кротости, о чистоте сердца и т. п., но от знания далеко еще до стяжания»³⁸.

Значение Оптиной Пустыни для русской культуры огромно. Лучшие представители русской интеллигенции находили здесь духовное окормление, утешение и нравственные силы для творчества. Так, Николай Васильевич Гоголь три раза осуществлял паломничество в Оптину, последний раз посетив ее в 1851 году. Его размышления о великой ответственности писателя перед Богом за свое творчество испытали глубокое влияние бесед со старцем Макарием. Можно сказать, что писатель дышал Оптиной, как чистейшим воздухом, испытывая потребность в общении со старцами. Своим неизгладимым впечатлением от посещения Оптиной Пустыни Н.В. Гоголь поделился с графом А.П. Толстым, в доме которого он жил последние четыре года своей земной жизни: «Я заезжал по дороге в Оптинскую Пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской Горе не лучше. Благодать видимого там присутствует. Это слышится в самом наружном служении, хотя и не можем объяснить себе почему. Нигде я не видел таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное...».

В послеоктябрьский период Оптина была подвергнута поруганию, в котором находилась шестьдесят пять лет, но никто из ее насельников не отверг мученического креста, помня напутствие одного из последних Оптинских старцев — Анатолия Младшего о том, что следует бояться потерять уготованный венец и быть отторгнутым от Христа в муку вечную, а для этого необходимо мужественно стоять в вере и, если нужно, то с радостью терпеть изгнания и другие скорби.

В настоящее время Оптина Пустынь снова возрождается и уже излучает святость во все российские пределы. Есть надежда на возрождение старчества, как и было предсказано преподобным Нектарием Оптинским, и в обители будет еще семь

³⁸ Собрание писем преподобного Оптинского старца Амвросия к монашествующим. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1995. С. 5:

светильников. Как пишет иеромонах Василий (Росляков), один из Оптинских новомучеников, «сегодня Оптина Пустынь возрождается и первенствует. Восстанавливается связь времен, восстанавливается Оптина Пустынь, восстанавливается правда».

Среди представителей русского иночества в указанный период было немало примеров высокого аскетизма, в том числе и среди монахов в архиерейском сане. Среди таких известных подвижников назовем святителя Мелетия Харьковского (в миру Михаила Ивановича Лёонтовича, 1784-1840); архиерея-аскета, воронежского святителя Антония (в миру Авраамия Гавриловича Смирницкого, 1773-1846); инока святой жизни, деятеля церковного песнотворчества иеросхимонаха Парфения Киевского (1790-1885); старца Илариона (Фокина) (1774-1853); упомянем подвижника высокой аскетической жизни, блаженного Георгия Мишурина (инока Стратоника), которого очень почитал святитель Игнатий (Брянчанинов) (1807-1867). Ярким проявлением «старчества в миру» по праву называют святого праведного Иоанна Кронштадтского (протоиерей Иоанн Ильич Сергиев, 1829-1908). Несмотря, на то, что отец Иоанн не имел монашеского сана, был женат (супруги жили как брат с сестрой), он был великим аскетом, и вся его жизнь и обширная пастырская деятельность были истинно монашескими. Общественное и духовно-нравственное служение отца Иоанна включало широкую благотворительность: им основан «Дом трудолюбия» (работный дом с мастерскими), организованы школа для бедных, женская богадельня и детский приют. Отец Иоанн вел также обширную просветительскую работу, преподавая свыше 25 лет Закон Божий в Кронштадтском городском училище и классической гимназии. Он был отмечен как замечательный педагог - законоучитель с высокой культурой учителя и воспитателя.

2 Русское женское православное монашество: культурологические особенности, история и традиции

2.1 Ренессанс женского иночества в XIX веке: духовное руководство старцев

Начиная с конца XVIII столетия, женское монашество в России развивается активнее мужского. Одним из главных факторов расцвета русского женского православного монашества в XIX веке стало старчество, взявшее на себя духовное окормление и руководство женскими обителями. В этот период в женском иночестве под опекой старцев начался подъем духовной жизни: по примеру древневосточного иночества, русское женское монашество служило своему Отечеству молитвой, духовными дарованиями и широкими делами благотворительности³⁹.

Отметим то обстоятельство, что большинство женских монастырей, возникших и активно развивавшихся в XIX веке, выросло из общин, которые в большинстве своем в начале своей деятельности не придерживались общежительного устава. Что касается женских монастырей вообще, то общежительный устав в них предполагалось вводить только в том случае, если имеющиеся средства позволяли установить для монахинь запрет на выход из обители для продажи изделий своего рукоделия и сбора пожертвований.

Об истории женских общин кратко следует сказать следующее: они возникли в XVIII веке, в тяжелый для русского монашества период, когда после введения в 1764 году Екатериной II монастырских штатов, многие обители, не вошедшие в них, закрывались. Послушницы и белицы (сестры, готовящиеся к пострижению в монахини), лишившись своих обителей, оставались жить на прежних местах, селились при церквях, собирая милостыню у окрестных жителей. Они ухаживали за больными, обучали детей, занимались различными видами рукоделия (стиркой, починкой белья, шитьем и т. д.). Так стали возникать общины с целью дать приют женщинам, посвятившим себя Богу без монашеского пострижения, ради служения ближним при

³⁹ Поселянин Е.Н. Русская Церковь и русские подвижники XVIII века. Указ. соч. С. 312.

общинных больницах, приютах и училищах. В дальнейшем многие такие женские общины были преобразованы в монастыри⁴⁰.

Основоположницей общин становилась некая подвижница, вокруг которой собирались сестры; они вместе молились, занимались каким-либо рукоделием; за работой читали Священное Писание, жития святых. Инокнии жили на средства, вырученные от продажи собственных изделий. Их общая совместная молитва постепенно преобразовывалась в установленное правильное монастырское богослужение. Божественную Литургию совершали священники из близлежащих приходов. На определенном этапе развития иноческой жизни в общине сестры обращались в Синод с прошением создать на основе общины женский монастырь. В свою очередь, настоятельница, заботясь о духовном преуспевании сестер, искала опытных наставников-старцев. Многие женские обители опекались монахами, на деле прошедшими общее жительство, науку монашеских подвигов и умной молитвы, продолжателями духовного наследия старца Паисия Величковского. Такими были старцы Оптиной Пустыни, Софрониевской, Глинской, Зосимовой, Саровской и многих других обителей, которые определяли духовное возрождение в России. Так, в Белевском девичьем монастыре старчество было насаждено отцом Львом Оптинским через свою духовную дочь Анфию, а также через игумению Павлину, настоятельницу Белевского монастыря, при которой эта обитель стала особенно процветающей. Под руководством старца Льва находилась также Борисовская Тихвинская женская пустынь Курской епархии. К ученицам Оптинских старцев относятся настоятельница Каширского монастыря Макария, настоятельница Белокопытовского Казанского женского монастыря Александра и многие другие. Духовной дочерью иеросхимонаха Василия (Кишкина) была игумения Усть-Медведицкого монастыря Августа. Ученицами игумена Филарета Глинского были Филарета — первая игумения Уфимского Благовещенского монастыря; Макария — прозорливая схимонахиня Гамалеевского монастыря Черниговской епархии, духовная дочь старца Глинской Пустыни Анатолия; Клеопатра — игумения Севского монастыря и многие другие.

Наибольшего расцвета русское женское монашество в XIX веке, как и старчество в Оптиной Пустыни, достигло в Казанской Амвросиевской женской Пустыни

⁴⁰ Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. Издание Свято-Успенской Псково-Печерского монастыря, 1994. С. 894.

благодаря ее основателю Оптинскому старцу иеросхимонаху Амвросию. Казанская Амвросиевская женская Пустынь, известная более под названием «Шамордино», возникла в 1884 году.

Поддерживая послушниц, вступивших на путь иноческого подвига, преподобный Амвросий Оптинский говорил о том, что монашеская жизнь трудна и требует постоянного понуждения воли, ибо монашество — наука из наук. Но в то же время иночество имеет громадные преимущества перед жизнью в миру: «Святые отцы сказали, — добавлял о. Амвросий, — что если бы известно было, какие скорби и искушения бывают монахам, то никто не пошел бы в монастырь, а если бы знали, какие награды получают монахи, то весь мир устроился бы в обители».

Высокое духовное и социокультурное значение Казанской Амвросиевской Пустыни привлекало многих, она была неоднократно удостоена посещением членов царской семьи - Великого князя Константина Константиновича Романова с августейшим семейством: летом они пребывали в селе Прысках, в 7 верстах от Шамордина. Посещения эти отличались простотой, непринужденностью и сердечной теплотой высоких посетителей. Сам Великий князь, бывший у старца Амвросия в 1887 году, сохранил к нему теплое, благоговейное отношение и также тепло и благосклонно отнесся к созданной им обители. И сегодня в обители старца Амвросия звучат молитвы, от него ждут помощи в скорбях, духовной поддержки на жизненном пути. Батюшка жив в сердцах инокинь, прихожан, и жива вера, что монастырь по-прежнему управляется им.

Духовное окормление старцев, как уже было сказано, являлось важным условием становления и устройства жизни женских монастырей в указанный период. Подобно тому, как преподобный Серафим Саровский основал Дивеевскую обитель, преподобный Амвросий Оптинский — Шамордино, так и московский старец преподобный Варнава Гефсиманский основал Иверский Выксунский монастырь.

В новоустроенную обитель 25 мая 1865 года прибыла святая икона Пресвятой Богородицы, именуемая Иверской, в честь которой и была названа женская богадельня, которая стала постепенно увеличиваться и возрастать: к 1873 году в обители подвизались уже более ста сестер, а в 1874 году вышло определение Святейшего

Синода, утвержденное Александром II о переименовании богадельни при селе Выксе в общину с таким числом сестер, какое она может содержать на свои средства⁴¹.

Освящение Иверского соборного храма состоялось 12—13 июня 1877 года Высокопреосвященнейшим Иоанникием (Рудневым), архиепископом Нижегородским и Арзамасским. Отличало жизнь обители не только ее внутренне благоустройство, но, главное — мир и любовь, которые царили между сестрами. Это был один из самых благоустроенных в России женских монастырей, и, прежде всего, в отношении подвижнической жизни и молитвенности. Главным трудом инокинь, согласно составленным, иеромонахом Варнавой правилам, была молитва. Благоговение, тишина, строгость и порядок были истинно иноческими. Если в других монастырях сестры, занятые работой, освобождались от некоторых богослужений, то в Выксунском монастыре распорядок дня предусматривал присутствие инокинь на всех службах, кроме поздней литургии. Культура молитвенной жизни в обители была чрезвычайно высокой. Иверский монастырь давал сестрам все необходимое, включая одежду и келейную обстановку. Старец Варнава говорил им. «Вы имеете все, и если не будете молиться, то оправдания не будете иметь!»

В монастыре велась и большая социальная деятельность. Кроме двух больших соборов, — Свято-Троицкого и Иверского (зимнего и летнего), по просьбе матери иеромонаха Варнавы схимонахини Дарии, была устроена Успенская церковь и при ней больница с богадельней для больных и престарелых монахинь⁴². В монастыре была очень хорошая библиотека, в которой сестрам можно было брать священные и духовные книги. В обители царило строгое послушание. Сестры монастыря по настоянию отца Варнавы не посылались за сбором подаяния; что было практикой многих других монастырей, а содержалась обитель на средства лишь тех благотворителей, с которыми она имела тесную связь⁴³.

Главным в старческом окормлении сестер было то, что преподобный Варнава сам прежде всего являл собой образец истинного подвижничества в неусыпной молитве и неустанных трудах.

⁴¹ Иверский Выксунский женский монастырь. 4-е изд., испр. и доп. Троице-Сергиева Лавра, 1900. С. 45

⁴² Там же. С. 220

⁴³ Миловидов И., священник. Иверский Выксунский женский монастырь, находящийся в Арбатском уезде Нижегородской губернии, и основатель его иеромонах Варнава. 2-е изд. М., 1889. С. 47-48.

В социальную службу Иверской обители входила забота о паломниках, богомольцах, которых приходило и приезжало сюда немало. В целях благоустройства монастыря и создания надлежащих условий для его посетителей, здесь была выстроена большая, каменная гостиница, которая всегда содержалась в безукоризненном состоянии⁴⁴.

Подчеркивая самоотверженность труда инокинь, которых в обители было 700, а также особую художественно-эстетическую и духовно-культурную ценность Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря, необходимо сказать о том, что каменный пятиглавый трехпрестольный собор в честь Похвалы Пресвятой Богородицы в этой прекрасной обители был построен всего за 4 года, освящен 7 сентября 1891 года и стал самым большим храмом в России с таким посвящением⁴⁵.

Широко развернулась благотворительная и духовно-просветительская миссия монастыря, при котором открылась церковно-учительская школа для девочек, где учебный курс которой почти совпадал с гимназическим. Включая начальную школу, обучение длилось 9 лет. Была организована и успешно работала приходская школа для местных детей. Культурная деятельность обители также неустанно совершенствовалась благодаря деятельности рукодельной и иконописной мастерских.

Анализируя принципы и содержание духовного наставничества выдающихся старцев — преподобных Серафима Саровского, Амвросия-Оптинского и других старцев Оптинских, святителей Филарета (Дроздова), Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова, преподобного старца Варнавы Гефсиманского, святого праведного Иоанна Кронштадтского и многих других, можно ясно видеть, что их руководство женскими обителями основывалось на подвигах святых Отцов Древнего Востока, которые являлись для пастырей Русской Православной Церкви путеводной звездой благочестия и святости⁴⁶.

Особенность подвижничества русских инокинь состояла в воздержании, непрестанном подвиге молитвы, поста, физического труда при условии их полного послушания духовным руководителям — старцам. Женское монашество отличалось

⁴⁴ Постройка Троицкого собора в Иверском Выксунском женском монастыре. Государственный архив Нижегородской области, ф. 583, оп. 1, д. 67, л. 71, 71 об., 72.

⁴⁵ Игуменья Таисия (Солопова). Автобиографические записки. Беседы с отцом Иоанном Кронштадтским. М.: Издательство «Отчий дом», 2007. С. 217.

⁴⁶ Архимандрит Георгий (Тертышников). Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении М.: Правило веры, 1999. С. 3.

особым милосердием, жертвенной любовью к людям, благотворительностью, странноприимством, любовью к природе и миру как творению Божьему, которое необходимо беречь и преумножать. Духовное руководство старцев в женском монашестве — это отношение и забота отцовства, духовной и материальной ответственности, помощи, защиты и высокого покровительства, в то время как послушание инокинь — это проявление дочерней любви, уважения и доверия, определяющих культуру взаимоотношений учителя и воспитанника, принятых в христианской этике.

2.2 Благотворительная и духовно-просветительская деятельность женских обителей и монахинь в XIX веке

В рассматриваемый период российское правительство относилось к монастырям и монашеству весьма благосклонно, постепенно осознавая, что именно в Православии и иноческом благочестии как высшем христианском подвиге коренится духовно-нравственный потенциал процветания народа и государства. Ярким показателем подъема религиозности стало увеличение числа монастырей и численности монашества, включая женское. Так, в начале XIX века (1810) в России было 94 женских монастыря; к 1900 году стало 325, а к 1914 году их насчитывалось уже 475. В 1859 году было создано общество состоятельных лиц, которое благотворило монастырям; увеличились и штатные суммы на содержание обителей⁴⁷. Наибольший прирост иночества пришелся на долю женских общин, многие из которых в дальнейшем преобразовывались в монастыри. К примеру, из 127 женских общин, возникших до 1890 года, 78 стали затем общежительными монастырями. Серьезные изменения в патриархальных социально-экономических отношениях, произошедших в России после отмены крепостного права, привели к тому, что значительная часть народа оказалась в бедственном положении, не сумев адаптироваться к новым условиям жизни. В сложившейся социокультурной и политической ситуации правительство возлагало большие надежды на благотворительную помощь монастырей. Указом от 6 апреля 1866 года предписывалось при учреждении новых обителей «предлагать учредителям соединять... с удобствами

⁴⁷ Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. С. 893.

уединенной монашеской жизни цель благотворительную или воспитательную». В соответствии с этим указом в монастырях, особенно женских, стали устраиваться школы, сиротские приюты, больницы, богадельни, гостиницы и столовые для бедных. Женские обители, по сравнению с мужскими, были более многочисленными, но в то же время беднее. Так, в восьми мужских монастырях Воронежской епархии в 1890 году насчитывалось 290 монахов и послушников, а в таком же числе женских обителей — 1 672 монахини и послушницы⁴⁸.

После отмены крепостного права в России в обителях было много представительниц из крестьян, но одновременно увеличивалось число инокинь и послушниц из дворянского сословия, а также разночинок, что могло быть вызвано чувством» вины и долга перед народом, охватившим многих представителей молодого поколения этого периода. Девушки, воспитанные в образованных благочестивых семьях в духе религиозности, охотно уходили в монастыри с благотворительным уклоном, в которых они трудились наряду с мещанками и крестьянками. Многие представительницы дворянства, принимая монашеский постриг, скоро становились игумениями благодаря своей образованности и связям в высоких социальных кругах. Так, монахиня Евгения, дочь московского сенатора Семена Николаевича Озерова (1775-1844) и внучка князя Мещерского, замечательная подвижница, ставшая впоследствии старицей обители, была возведена в сан игуменьи Аносинского Борисо-Глебского монастыря через несколько недель по принятии иноческого пострига⁴⁹.

Служение ближним, являющееся главной идеей духовно-просветительской и благотворительной деятельности русского монашества, в особенности женского, в аскетической культуре имеет два основных проявления:

- духовное служение — это молитва за весь мир, духовное окормление, хранение высших идеалов добра и святости на основе Священного Писания и Священного Предания Христианской Церкви;

- общественное, социокультурное служение, т. е. собственно дела благотворения, что было всегда особенно присуще женскому монашеству как более чуткому и сострадательному⁵⁰. Женские монастыри и общины всегда были более отзывчивы к

⁴⁸ Любинецкий Н.А. Землевладение церковью и монастырями Российской империи. 4. IV. СПб., 1900. С. 3

⁴⁹ Памятные записки игуменьи Евгении Озеровой // Русский архив, 1898. Кн. 1. №2. С. 321, 354.

⁵⁰ Евангельское жителство. Указ. соч. С. 176.

делу благотворительности, нежели мужские, хотя располагали меньшими капиталами⁵¹. Давая обоснование этому факту, И.К. Смолич писал о том, что в большинстве женских монастырей служение проходило в обстановке умеренной аскезы и главное внимание сестер обители уделялось служению миру, а не совершенному отречению от него. Социально-благотворительная деятельность, доминировала над такой же в мужских монастырях, поскольку именно эта деятельность явилась основой становления женских обителей по личному почину подвижниц «без всякого содействия церковной, власти...».

В 1818 году по Величайшему разрешению Государя Александра Павловича (1777-1825) и по благословию Преосвященного архиепископа Московского Августина (Виноградова) (1818-1819) на Бородинском поле была заложена церковь. Замечательным фактом этого события являлось то, что, следуя лучшим традициям русской культуры — благочестия и благотворительности, царь прислал на строительство обители десять тысяч ассигнациями, и Маргарита Михайловна, пополнив эту сумму своими личными сбережениями, немедленно приступила к постройке. В 1820 году храм был освящен во имя Нерукотворного Образа Спасителя. Храмовая икона была пожертвована Ревельским полком, участвовавшим в Бородинском сражении под командованием генерал-майора А.А. Тучкова; до этого она находилась в его походном иконостасе. Вскоре рядом со сторожкой Марии Михайловны стали строить жилье одинокие женщины, вдовы и сироты, искавшие покоя в уединении. Появились хозяйственные постройки, скотный двор, огороды, был вырыт колодец и проложены дорожки. Так зарождалась Спасо-Бородинская община, которая в 1833 году по ходатайству митрополита Филарета с Высочайшего разрешения императора Николая Павловича (1796–1855) была официально зарегистрирована как общежительная женская пустынь, настоятельницей которой стала М.М. Тучкова, а в 1838 году она стала игуменией монастыря.

Благодаря духовному окормлению обители святителем Филаретом, которое осуществлялось, главным образом, через игуменью, развитие монастыря достигло значительной высоты особенно в части духовно-просветительской. Известно, что митрополит лично способствовал изданию в России славянских переводов сочинений

⁵¹ Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 20, 132-141.

подвижников Востока, которыми пополнялись библиотеки женских обителей, в частности, библиотека Спасо-Бородинского монастыря. Среди святоотеческой литературы в ней имелись такие произведения; как «Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского», «Четыре согласительных слова к монахине», «Преподобного отца нашего Нила Сорского предание ученикам своим о скитском жительстве», «Преподобных отцев Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни», «Творения Симеона Нового Богослова», «Оглашение преподобного Феодора Студита» и другие. В поисках духовного наставничества обращалась игуменья Мария к святителю Игнатию (Брянчанинову) и вела с ним переписку. Архимандрит Игнатий в 1847 году посетил Спасо-Бородинский монастырь по приглашению матушки и под впечатлением от великолепной обители написал произведение «Бородинской монастырь».

Удивителен по своей психолого-культурной глубине феномен: высокообразованная, утонченная женщина из высших слоев общества, вкусившая мнимую сладость мирских страстей и привязанностей, перерождается в аскетическую игуменью-подвижницу, создавшую такую обитель, которую сами сестры называли своим раем. Здесь царил дух Христовой любви, который был во многом утрачен обществом того времени, причем не только светским, но, увы, даже духовным. Матушка Мария была, по слову Апостола, «для всех всем, да всех приобретает». Несмотря на строгость, была она очень незлобива, некоторые обвиняли ее даже в излишней снисходительности к провинившимся сестрам, на что она отвечала: «Насколько любит начальник обители, настолько, он и полезен. Его строгость не исправляет, но ожесточает и учит лукавству и лжи. Грех находит прощение у Бога, но злоба и ненависть отделяют от него человека, и горе тому, кто внушил их другому. Мне ли дерзать словом Апостола изъяснять мои чувства, но, воистину, кто из вас изнемогает, и я изнемогаю с тою». Она казнила себя за чужие прегрешения и смотрела на них как на свои собственные: между детьми и матерью все общее, а она была мать. Этот бесценный опыт управления может быть применен и в современной практике.

Спасо-Бородинский монастырь — поистине сад духовный, расцветший на поле брани молитвами геройски погибших русских воинов, святителя Филарета и игуменнии Марии. На протяжении всего своего существования он приносил благодатные плоды, особенно старчество, являя собой изумительный пример преемственности

святоотеческой культуры, без которой не может существовать не только христианская культура, но и светская.

Ярким примером широкой благотворительности и просветительской миссии женского православного монашества может служить и общежительный Воскресенский Новодевичий монастырь в Санкт-Петербурге (основан в 1748 г.), который был по личной просьбе императора Николая I восстановлен известной подвижницей А.С. Готовцевой (1787-1866), происходившей из старинного знатного рода и ставшей впоследствии игуменьей Феофанией. Монастырь, руководимый ею, славился многосторонней социокультурной и благотворительной деятельностью. Так, в обители, в которой подвизались более 300 сестер, работали различные мастерские по шитью золотом и жемчугом, изготовлению священнических облачений. В деле благотворения монахини стирали белье для сиротских приютов и домов престарелых. Кроме того, обитель занималась и просветительской деятельностью, открыв школы для девочек- и для мальчиков и бескорыстно обучая, детей. При монастыре также действовал приют для девочек⁵².

Женские монастыри, окормляемые старцами, множились, являясь духовными центрами России, которые были необходимы израненным войной душам людей. Так, в 1813 году, в лесу, в окрестностях Задонска, была построена часовня, возле которой в маленьких губерниях стали селиться крестьянки из близлежащих деревень, проводя жизнь в посте, молитве и трудах. В 1860 году, благодаря стараниям крестьянки Е.П. Богатыревой, это поселение стало сестрической общиной, а через несколько лет она преобразовалась в женский общежительный монастырь с обширной социокультурной деятельностью. Под духовным окормлением старца Зосимы образовалась, женская сестрическая община. Добиваясь разрешения на открытие обители, сестры вместе со старцем приехали в Москву, где их приютила состоятельная вдова М.С. Бахметьева, пожертвовавшая на основание монастыря часть своего подмосковного имения. Благодаря этим стараниям была образована знаменитая Троицкая, или Зосимова

⁵² Православные русские обители. СПб., 1994 (репринт); Яковлев А.И. Лекции по истории Христианской Церкви. М., 2006. С 301; Поселянин Е. Русские подвижники XIX века. Калуга. Репринт 1910 г., 1996. С. 159-160.

пустынь, которая в дальнейшем, уже после кончины старца Зосимы в 1833 году, стала монастырем с общежительным уставом⁵³.

В целом с 1840 по 1900 годы число больниц и богаделен при святых обителях выросло более чем в пять раз. К концу XIX века почти во всех женских монастырях функционировали благотворительные учреждения. Правительство особенно поощряло создание церковно-приходских школ, которые открывались для девочек и существовали на средства самих монастырей. Многие женские монастыри выросли именно благодаря своей социально-благотворительной деятельности, снискав признание и любовь народа. Были созданы медицинские учреждения Российского общества Красного Креста при Костромском Богоявленском женском монастыре. В нем находилась лечебница, амбулатория и аптека; три врачебных пункта располагались в двух приписанных к монастырю пустыньках и на монастырской мельнице. Монахини и послушницы специально обучались уходу за больными. Делом благотворения в этой обители руководила игуменья Мария, представительница знатного дворянского рода Давыдовых.

Квалифицированная социально-благотворительная помощь нуждающимся проводилась и в Троицком Виннице-Браиловском женском монастыре, при котором в 1898 году были открыты бесплатные курсы для подготовки сиделок из числа послушниц. В Браиловскую обитель на обучение направлялись инокини и других монастырей Подольской епархии⁵⁴.

Высшего уровня развития дело благотворительности достигло в Киевском Покровском женском монастыре, основанном в 1889 году Великой княгиней Александрой Петровной, которая после разъезда с мужем приняла монашеский постриг с именем Анастасия; впоследствии она стала схиигуменьею Софией. В дневнике Николая II ей посвящена следующая запись: «Увиделись с тетей Сашей, которая пришла в рясе монашенки с маленькой шапочкой на голове. Удивительная женщина! Веселая, разговорчивая, несмотря на свою одежду...». Движимая христианским милосердием, монахиня Анастасия при Киевском Покровском монастыре устроила больницу на 125 мест для неимущих больных всех христианских исповеданий, амбулаторию, два приюта для неизлечимо больных и приют для слепых (каждый на 20

⁵³ Кириченко О.В. Дворянское благочестие. XVIII век. М.: Паломникъ, 2002. С. 377.

⁵⁴ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода за 1900 г. С. 44.

мест); лечение и содержание больных было бесплатным. Весь низший персонал больницы состоял из сестер монастыря. Больница при Покровском монастыре, в котором постоянно работало 40 врачей, считалась лучшей в Киеве, и именно в нее направлялись самые тяжелые больные.

Инокони многих монастырей и общин оказывали самоотверженную помощь во время тяжелых эпидемий, охвативших значительные территории России в конце XIX века. Так, в 1892-1893 годах жертвенно спасали людей в Поволжье монахини и послушницы Костромского Богоявленского монастыря, Московской Покровской и Псковской Иоанно-Ильинской общин; в пограничных с Поволжьем районах, где свирепствовала холера, трудились инокини Уфимского, Бирского и Мензелинского монастырей. В Москве сестры Владычно-Покровской общины дежурили в больницах, госпиталях и приемных покоях; мужественные подвижницы Иоанно-Ильинской общины ухаживали за больными в псковских холерных бараках, а в 1896 году монахини и послушницы Покровского монастыря активно участвовали в борьбе с эпидемией тифа в Киеве. Позднее схиигуменьей Покровского Киевского монастыря и основательницей обители «Отрада и Утешение» в Калужской епархии стала одна из замечательнейших подвижниц XIX — начала XX вв. схиигуменья София (Гринева). В 1920 году, когда Покровский монастырь был закрыт, игуменья София была арестована и отправлена в тюрьму. Как свидетельствует одна из инокинь, близко знавшая матушку Софию и проведшая в монастыре 13 лет, после долгих тюремных мытарств она вышла на свободу и в 1934 году была тайно пострижена в великую схиму. Подвижница жила в колхозе близ Серпухова в Московской области, и 4 апреля 1941 года скончалась, глядя на свои любимые иконы.

В последней четверти XIX века из женских монастырей был особенно знаменит Свято-Богородский Леснинский, который располагался возле современного польского города Бяла и был создан по благословию прп. Амвросия Оптинского и при участии о. Иоанна Кронштадтского. В 1881 году униатский храм в Лесне перешел к православным, а через три года вокруг него организовалась сестрическая община во главе с матерью Екатериной, урожденной графиней Евгенией Борисовной Евфимовской (1850-1925), личность которой заслуживает особого внимания в силу своей творческой одаренности и значительности. Необходимо отметить высокую образованность этой женщины: в девятнадцать лет она сдала экзамен в Московском университете по русской

литературе, была знакома со многими писателями и особенно близка с семьей И.С. Аксакова (1823—1886), философа, поэта, публициста, одного из идеологов славянофильства. Именно от этой семьи графиня Е.Б. Евфимовская восприняла идею об особом религиозном призвании русского народа. Евгения Борисовна обладала и педагогическим талантом. В описываемый период профессор Московского университета С.А. Рачинский (1836-1902) оставил профессорскую кафедру и основал знаменитую школу в своем имении Татево Смоленской области для воспитания детей в церковном духе. Это был прообраз будущих церковно-приходских школ. Евгения Борисовна обучалась педагогическому мастерству в школе Рачинского и одно время сама там преподавала. Ее весьма привлекала система воспитания детей при монастырях.

Леснинский монастырь быстро стал не только просветительным, но и духовным центром края — местом паломничества: два раза в год, на Троицу и Воздвижение Креста Господня, в нем собиралось до 30 000 богомольцев и съезжалось до 30-ти священников.

Эта обитель прославилась поистине огромными масштабами благотворительной деятельности. Так, сестрами обители была открыта школа для крестьянских детей, в которую принимали не только православных, но и католиков. В 1889 году община была преобразована в монастырь, а игуменьей его стала матушка Екатерина. К 1914 году в обители было 200 монахинь и 300 рясофорных сестер и послушниц, а также около 700 учащихся. Инокнии содержали больницу, приют для престарелых женщин, бесплатную амбулаторию, аптеку и даже медицинское училище. Монахини открыли среднюю школу для крестьян с обучением ремеслам, учительскую семинарию, сельскохозяйственное училище; держали обувную и переплетную мастерские; была организована иконописная мастерская. Сестры развернули обширное хозяйство: развели фруктовый сад и огород, устроили ферму и пасеку. Кроме того, вокруг Леснинского монастыря организовались еще четыре общины, которые посвятили себя в основном делам благотворения, самоотверженно трудясь во Славу Божию ради ближних. Стоит добавить, что трудами сестер обители ее хозяйственная и благотворительная деятельность непрерывно росла, и к началу Первой мировой войны здесь была построена даже собственная мельница, заведено рыболовство. Монахини сеяли лекарственные травы и, обладая высокой медицинской квалификацией, сами изготавливали лекарства.

Благодаря самоотверженным трудам милосердия и неутомимому терпению русские монахини зажгли свет Христовой любви в людях, далеких от Православия. И сбылись слова Спасителя: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего Иже на небесех» (Мф. 5, 16). Постепенно Леснинская обитель стала центром православия в полурусской окраине. В монастыре получили образование и воспитание будущие настоятельницы известных монастырей — Вировского Всемилоственного Спаса (в Седлецкой губернии), Теолинского Спасо-Преображенского (в Варшавской епархии), Красностокского Рождество-Богородицкого (в Гродненской епархии). Все они продолжили дела благотворительности.

В целом о масштабах благотворительной деятельности русских православных монастырей указанного периода свидетельствуют статистические данные: в 1887 году монастыри содержали 94 больницы и 66 приютов для престарелых, причем две трети этих учреждений приходилось на женские обители, которые часто сочетали благотворительную деятельность с просветительной. Один из таких многочисленных примеров — открытие в конце XIX века на Кубани в Марие-Магдалинской женской пустыни сиротского приюта для девочек на 30 мест⁵⁵.

⁵⁵ Бороденко В.Е. Монастыри кубанского казачества в дореволюционный период // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Сб. статей. Краснодар, 1993. С. 47.

Заключение

В результате системного историко-культурологического анализа, проведенного в бакалаврской работе, правомерно сделать вывод о том, что русское православное монашество — это уникальное многоаспектное историко-культурное явление, благодаря которому на протяжении всего XIX века обеспечивается трансляция и интеграция православной аскетической антропологии в социальную сферу и сохраняется преемственность святоотеческой традиции в качестве духовно-нравственной составляющей отечественной культуры и государственности.

В работе нами сделан также вывод о том, что русское православное монашество сохранило преемственность монастырской иноческой традиции, созданной духовными школами преподобных Сергия Радонежского и Паисия Величковского, и достигло апогея святости в лице Новомучеников и Исповедников Российских XIX века. Благодаря этой несокрушимой духовной основе стало возможным возрождение самобытной русской аскетической православной культуры в конце XIX - начале XX столетия, в ходе которого происходит активное восстановление монастырей как центров молитвенной жизни, христианского просвещения, церковного искусства и благотворительности. Данные факты являются очевидным свидетельством, нового, прогрессивного этапа взаимодействия русского монашества с социумом.

Объективно, логично рассматривать русские монастыри как надежный индикатор реального состояния отечественной культуры, так как именно в святых обителях развивались практически все слагаемые отечественной культуры: письменность, литература, живопись, архитектура, музыка, образование.

Подчеркивая значение русского женского монашества, считаем, что о его истории и миссии необходимо говорить не только в аспекте чисто религиозном, церковном, но рассматривать его в общем контексте отечественной культуры и жизни народа, имея в виду то, что вся система семейного воспитания в России, начиная с момента Крещения Руси, строилась на традиционных ценностях. Благодаря им в нашей литературе создан уникальный тип русской девушки, женщины, сохранившей в себе нравственную красоту, верность, милосердие, мужество и благородство, воспетые классиками и ставшие национальным достоянием России.

Список использованной литературы

1. Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Заветов.
2. Абдулатипов Р.Г. Вузы культуры и искусств: образование и ориентиры духовных идеалов // Вестник Московского- государственного университета культуры и искусств. — М., 2009. № 5. С. 8-12.
3. Августин Блаженный. Исповедь. — М., 1992.
4. Архимандрит Георгий (Тертышников). Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении М.: Правило веры, 1999. С. 3.
5. Архимандрит Софроний (Сахаров). Старец Силуан Афонский. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2002. С. 388.
6. Бороденко В.Е. Монастыри кубанского казачества в дореволюционный период // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Сб. статей. Краснодар, 1993. С. 47.
7. Валаамский монастырь и его подвижники. Санкт-Петербург, 1903. Издано иждевением Валаамского монастыря. Типо-литография. I. Генералова. С. 329-330.
8. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода за 1900 г. С. 44.
9. Горбачева Н.Б. Оптинские старцы. Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. С. 17.
10. Добротолюбие в русском переводе, дополненное. Т. 2. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 43.
11. Древние иноческие уставы при. Пахомия Великого, св. Василия Великого, прп. Иоанна Кассиана и прп. Венедикта. М., 1892. С. 264.
12. Духовное совершенство, святость в христианстве определены прп. Симеоном Новым Богословом как подвиг христианина, направленный на стяжание Духа Святого, «ибо в этом и состоит духовный закон и благобытие» (Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. Слово второе. М., 1892. С. 30)
13. Душеполезные поучения преподобного Амвросия Оптинского. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 2002. С. 12.
14. Евангельское житительство. Указ. соч. С. 176.

15. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Вербум-М, 2002. С. 13-14.
16. Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 20, 132-141.
17. Зырянов П.Н. указ. соч. С. 77-78, 87-89;
18. Иверский Выксунский женский монастырь. 4-е изд., испр. и доп. Троице-Сергиева Лавра, 1900. С. 45
19. Игумен Иларион (Алфеев). Вы — свет мира. Клин: Христианская жизнь, 2001. С. 114.
20. Игуменья Таисия (Солопова). Автобиографические записки. Беседы с отцом Иоанном Кронштадтским. М.: Издательство «Отчий дом», 2007. С. 217.
21. История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. Товарищество северного мореходства. Фолиум, 2004. С. 176-178
22. Казанский П.С. История православного монашества на Востоке. М.: Паломник, 2000. Ч. 1. С. 54-56.
23. Казанский П.С. Письмо о монашестве // Прибавления к изданию творений святых Отцев в русском переводе. М., 1850. 4. 9. С. 242-243.
24. Карташев А.В. Указ. соч. С. 576.
25. Кириченко О.В. Дворянское благочестие. XVIII век. М.: Паломникъ, 2002. С. 377.
26. Кучмаева И.К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры. М. : Государственная академия славянской культуры, 2006. С. 9.
27. Лествица, возводящая на небо. Преподобного отца нашего Иоанна игумена Синайской Горы. М.: Правило веры, 1997. С. 29-30.
28. В. М. Лурье Призвание Авраама. Идея монашества и ее воплощение в Египте. С.-Петербург, 2000. С. 4-5.
29. Любинецкий Н.А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи. 4. IV. СПб., 1900. С. 3
30. Миловидов И., священник. Иверский Выксунский женский монастырь, находящийся в Арбатском уезде Нижегородской губернии, и основатель его иеромонах Варнава. 2-е изд. М., 1889. С. 47-48.
31. Митрополит Иоанн (Снычев). Посох духовный. СПб, 2002. С. 212.

32. Митрополит Нестор (Анисимов). Моя Камчатка. Записки православного миссионера. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 255-256.
33. Памятные записки игуменьи Евгении Озеровой // Русский архив, 1898. Кн. 1. №2. С. 321, 354.
34. Поселянин Е.Н. Русская Церковь и русские подвижники XVIII века. Указ. соч. С. 312.
35. Постройка Троицкого собора в Иверском Выксунском женском монастыре. Государственный архив Нижегородской области, ф. 583, оп. 1, д. 67, л. 71, 71 об., 72.
36. Православные русские обители. СПб., 1994 (репринт); Яковлев А.И. Лекции по истории Христианской
37. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея. Душеполезные поучения и послания. М.: Отчий дом, 2000. С. 55.
38. Прот. Владислав Цыпин. Указ. соч. С. 241
39. Протоиерей Владислав Цыпин. Указ. соч. С. 245.
40. Протоиерей Георгий Флоровский. Подвиг и радость // О цели христианской жизни. Из рукописных воспоминаний Н.А. Мотовилова. С приложением богословских толкований «Беседы». Составитель Стрижев А.Н. М.: Паломник, 1999. С. 169-170.
41. Протоиерей Димитрий Троицкий. Указ. соч. С. 22-24.
42. РФА. М., 1988. Вып. III. С. 491-493
43. Сидоров А.И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М., 1998. С. 26-114.
44. Собрание писем преподобного Оптинского старца Амвросия к монашествующим. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1995. С. 5:
45. Сяопин В.В. На Соловецких островах. М., 1991. С. 189-190.
46. Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. Издание Свято-Успенской Псково-Печерского монастыря, 1994. С. 894.
47. Творения иже во святых Отца нашего Святителя Игнатия, епископа Ставропольского. Аскетические опыты. Т. 1. М.: Сретенский монастырь, 1996. С. 475-477.
48. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. М., 1994. С. 158.

49. Церкви. М., 2006. С 301; Поселянин Е. Русские подвижники XIX века. Калуга. Репринт 1910 г., 1996 С. 159-160.